

Глава 34. Былые сны (Часть 5)

Чао Шэн всё ещё не мог прийти в себя. Охваченный ужасом и смятением, он выглядел совершенно потерянным.

— Ловец Чу, о чём... о чём вы хотите спросить?

Цзян Ехун, чьё лицо всё ещё хранило следы копоти, нахмурился:

— Владелица У легла спать сразу, как вернулась домой и приняла лекарство?

— Да, — закивал слуга. — С тех пор как пропала молодая госпожа, здоровье владелицы совсем пошатнулось. Раньше она хоть как-то ходила, а теперь и шага без опоры сделать не могла. После того как она поднялась на Чуншань, чтобы вознести благовония, силы и вовсе её оставили. Она выпила отвар и сразу легла. Мы заметили, что спит она дольше обычного, но списали это на недуг — думали, просто измучилась.

— Заходил ли кто-нибудь в её спальню в это время?

Чао Шэн немного успокоился и вытер холодный пот со лба.

— Думаю, нет. Владелица терпеть не могла, когда её беспокоили во время сна. Никто бы не осмелился переступить порог без зова.

Видя, как под самым его носом кто-то устроил этот жуткий маскарад, Цзян Ехун не на шутку разошёлся.

— Слушай меня внимательно. Вся вышивка в лавке «У-цзи» действительно выходила из-под иглы вашей молодой госпожи, У Сяомэн?

— Да, всё вышивала она.

— А владелица... она принуждала её к этому? — Цзян Ехун буравил слугу взглядом.

Чао Шэн запнулся, по лицу его поползли тени сомнения. Будучи слугой, он явно знал больше, чем смел сказать, и теперь боялся прослыть сплетником.

— Говори правду! — прикрикнул Цзян Ехун. — Принуждала или нет?

Слуга виновато опустил голову и едва слышно пробормотал:

— Да... было дело.

Цзян Ехун обвёл взглядом остальных слуг — по их испуганным лицам было ясно, что эта тайна была секретом лишь для посторонних. Он не собирался винить этих людей: им нужно было кормить семьи, и идти против властной хозяйки они не решались. Его бесила сама У Хуэйюнь. Пользоваться плодами чужого непосильного труда, наживаться на горьких слезах Сяомэн и при этом обращаться с ней как с вещью — это было за гранью всякого сострадания.

— У Сяомэн не родная дочь этой женщине. Кто она на самом деле?

— Этого мы правда не знаем, — покачал головой Чао Шэн.

Пока Цзян Ехун допрашивал прислугу, Жун Жо осторожно отворил дверь в спальню У Хуэйюнь. Внутри царил странный порядок: никаких следов борьбы, постель лишь слегка смята, словно спящая просто откинула одеяло. На столе сиротливо стояла чашка. Он поднёс её к лицу и принялся.

— Скажите, чем именно болела ваша владелица?

— Она застудила поясницу, — отозвался Чао Шэн. — Стоило холодам ударить, как боли становились такими, что она и встать не могла. Поэтому лекарства пила постоянно.

— И давно она их принимает? — Жун Жо задумчиво разглядывал осадок на дне чашки.

— Я пришёл в дом пять лет назад, и она уже тогда лечилась. Но последние два года — особенно часто. Лекарства лились рекой, а толку не было. Она даже с докторами из Медицинской лавки семьи Гу поскандальить успела, обзывала их неучами, мол, денег берут много, а исцеления нет. Только недавно сменила лекаря. К тому же её терзали кошмары, она от них тоже горстями что-то пила.

Жун Жо ещё раз взглянул на остатки отвара.

— Есть ли у вас рецепт?

— Подождите минуту, я сейчас принесу.

Цзян Ехун подошёл ближе, понизив голос:

— Что-то нашёл?

— Слуги говорят, что У Хуэйюнь годами мучилась болями в спине, — вполголоса ответил Жун

Жо. — Но в осадке я вижу следы ломоноса. Это «холодное» растение, его ни в коем случае нельзя давать при таких недугах, оно только усилит боль.

Цзян Ехун хоть и не был силён в медицине, смекнул сразу:

— Хочешь сказать, кто-то подсыпал его в отвар?

— Нужно взглянуть на рецепт. Надеюсь, я ошибаюсь.

Когда Чао Шэн вернулся с бумагами, Жун Жо быстро пробежал их глазами. В рецепте ломоноса не было.

— Кто обычно готовил лекарство?

— Чаще всего повариха, но если она была занята, помогала Сяоя.

Маленькая Хун Сяоя робко вышла из-за спины поварихи, едва сдерживая слёзы. Жун Жо ободряюще улыбнулся ей:

— Не бойся, мы просто хотим разобраться. Тебе нечего опасаться.

Его голос, мягкий и обволакивающий, подействовал на девочку как бальзам. Она бросила на него быстрый взгляд и тут же снова уставилась в пол. Цзян Ехун, почувствовав необъяснимый укол в груди, собственническим жестом приобнял Жун Жо за плечи, отстраняя от служанки.

В этот момент вперёд выступила повариха Чжэн И:

— Ловец Чу, мне есть что сказать. Пусть мы подневольные люди, но мы работаем честно, своим горбом на кусок хлеба зарабатываем. Она не имела права обращаться с нами как с отребьем только потому, что у неё кошелёк толще. Особенно с Сяоя!

Чжэн И схватила девочку за руку и резко задрала её рукав. Рука Сяоя была покрыта густой сетью багровых точек — следов от игл.

— Смотрите сами! Стоило владелице разозлиться, она хваталась за швейную иглу. И не только Сяоя доставалось, в этом доме нет никого, кто бы не изведал её «милости». Мы слуги, а не рабы!

Остальные понурили головы. Оказалось, У Хуэйюнь была тираншей не только для приёмной дочери, но и для всех окружающих.

— Значит, вы из мести подсыпали ломонос в её отвар? — прямо спросил Жун Жо.

— Это я сделала, — прошептала Сяося. — У меня дома... дома выращивают это растение. Вот я и решила...

Цзян Ехун в сердцах хлопнул ладонью по бедру:

— Ну вы даёте...

— Она поступила дурно, — Жун Жо мягко прервал его, — но ломонос не мог убить так быстро. У Хуэйюнь погибла не от него.

— Лао Хо, — Цзян Ехун обернулся к коронеру, — каков твой вердикт?

Хо Ча выпрямился, вытирая руки:

— Ей перерезали горло. Но перед этим над ней жестоко надругались: вырвали язык, отрубили пальцы и выкололи глаза. Горло было последним аккордом. Даже если она была под дурманом лекарств, такая боль заставила бы её кричать. Неужели никто ничего не слышал?

Слуги в ужасе затрясли головами. Они действительно ничего не знали. Жун Жо снова вошёл в спальню и внимательно огляделся.

— Старший брат Чу, посмотри. Здесь подозрительно чисто. Ни единой капли крови. Её убили в другом месте.

Он поднялся на второй этаж, где стены зияли чернотой пожарища.

— Огонь лизал только стены и потолок. Пол почти не тронут.

Жун Жо присел у стены и коснулся пальцем тёмного пятна.

— Это масло. Стены специально облили горючим. Весь этот пожар — тщательно подготовленная декорация.

Цзян Ехун не мог взять в толк:

— Дверь обуглена снаружи. Как же убийца выбрался из ловушки?

— Вот и мне это не даёт покоя, — Жун Жо выпрямился. У окна среди пепла он заметил какой-

то странный предмет — обгоревший чёрный стержень, который теперь невозможно было опознать. — А это ещё что?

Цзян Ехун положил ладонь ему на макушку, уводя за собой:

— Кто его знает. Пойдём, здесь нам больше делать нечего.

Вернувшись в ямэнь, они застали Е Чжэнь — опытную вышивальщицу из той же лавки, которую по просьбе Цзян Ехуна нашёл Чжао Чэнь. Цзян Ехун жадно припал к ковшу с водой и вытер губы:

— Е Чжэнь, сколько лет ты проработала в «У-цзи»?

Женщина выглядела измождённой.

— Три года, господин. Ох, сколько я повидала... За всю жизнь не встречала человека желчнее и злее нашей хозяйки. Она обдирала нас как липок, штрафовала за каждую мелочь. Если бы мне не были так нужны деньги для семьи, я бы и дня там не пробыла.

— Ты была там в тот день, когда Сяомэн ушла из дома?

— Была, как не быть. Они кричали так, что стены дрожали. Владелица отвесила Сяомэн звонкую оплеуху. Бедная девочка... Все думали, сироту взяли в дом из милости, а оказалось — ради её таланта. Она ведь света белого не видела за этими пальцами. Бывало, лавка уже закрыта, а У Хуэйюнь запирает Сяомэн на замок и велит шить до рассвета.

— Запирала на замок? — Цзян Ехун стиснул зубы.

— Я не вру, ловец Чу! — горячо воскликнула Е Чжэнь. — Спросите у соседей, чей фонарь горел в лавке до самой зари. По ночам оттуда частенько доносился плач — это Сяомэн рыдала над шитьём. У этой женщины вместо сердца был холодный камень.

— Говорят, Сяомэн убежала из-за того, что испортила дорогой кусок ткани?

— Какое там «испортила»! — махнула рукой вышивальщица. — Сяомэн сама схватила ножницы и в клочья изрезала уже готовую работу. Владелица чуть чувств не лишилась от злости. Тогда Сяомэн направила ножницы на неё, кричала как безумная, что убьёт её. Мы с У Шунем едва успели их разнять. Девочка выскочила на улицу и как в воду канула. Вы ведь понимаете, ловец Чу, у Сяомэн... с головой не всё ладно было. Она иногда начинала биться в судорогах, кричать без причины. Владелица заливала в неё горькое пойло, чтобы та затихла. Бедная душа, что и говорить...

— Спасибо, что пришли. Вы свободны.

Когда Е Чжэнь ушла, Жун Жо мягко положил руку на плечо Цзян Ехуна. Тот непроизвольно напрягся, чувствуя близость юноши.

— Что такое?

Он осторожно коснулся обожжённого края его рукава.

— Какая дыра... Такую уже не заштопать. Придётся мне сшить старшему брату Чу новое платье.

Цзян Ехун густо покраснел, отводя взгляд:

— Да пустяки, заживёт...

Жун Жо весело рассмеялся:

— Не беспокойтесь, я и сам справлюсь с шитьём. Сделаю точь-в-точь такое же. Но... старший брат Чу, обещайте мне: больше не бросайтесь в огонь так очертя голову. Это было слишком опасно.

— Я... я не ожидал, — пробормотал Цзян Ехун. — Кто же знал, что это окно вдруг полыхнёт огненным шаром.

Он заметил на его щеке красный след от ожога. Склонившись ниже, он разглядывал пунцовое лицо Цзян Ехуна.

— И лицо опалило... Больно? Может, позовём лекаря, пусть даст мазь?

Цзян Ехун выпрямился как струна:

— Не нужно! Мужчине не пристало бегать к врачу из-за каждой царапины.

— Глава! Глава Чу! — в комнату влетел запыхавшийся Хо Ча. — У нас новые вести!

Когда они подошли к телу У Хуэйюнь, в комнате воцарилось тяжёлое молчание. Всё тело женщины было буквально утыкано швейными иглами. Они вошли в плоть так глубоко, что видны были лишь тусклые стальные ушки.

Жун Жо накрыл труп белым саваном.

— Старший брат Чу... как ты думаешь, это могла быть Сяомэн? Годы истязаний превратили её жизнь в ад, и она просто не выдержала.

— Вполне возможно, — задумчиво произнёс Цзян Ехун. — Но зачем тогда вешать тело, устраивать этот огненный спектакль? И кто та призрачная певица? Это была Сяомэн?

Жун Жо не ответил — у него не было ответов.

— Возможно, мы узнаем всё, только когда найдём её саму. Мотив налицо, нужно бросить все силы на поиски.

— Это-то и скверно, — вздохнул Цзян Ехун, потирая виски. — Она убежала без гроша в кармане. Прошло два дня... Где в этом огромном городе может прятаться безумная девчонка?

Хо Ча стянул перчатки.

— Ладно, на сегодня хватит. Идите спать, утро вечера мудренее.

— Глава! Глава Чу! Беда!

Цзян Ехун закрыл глаза. Похоже, поспать этой ночью ему было не суждено.

<http://bllate.org/book/17428/1662171>